

НАША СТРАНА

Editor-Director:
VSEVOLOD DUBROWSKY
Casilla de Correo 2847
Buenos Aires Argentina

ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ
“NUESTRO PAIS”
SEMENARIO MONARQUICO RUSO
Registro Nacional de Propiedad Intelectual No. 523.142

Correo Central B. Argentino
FRANQUEO PAGADO
Concesión No 3930
INTERES GENERAL
Concesión No 4233

AÑO VIII

Buenos Aires,

jueves, 5 de Julio de 1956

Буэнос Айрес, четверг, 5-го июля 1956 года

№ 337

М. М. Спасовский

Удар по коммунизму

Речь Никиты Хрущева, произнесенная им на закрытом заседании XX-го съезда компартии, в свое время вызвала обширные комментарии во всей мировой прессе. 4-го июня эта речь была полностью опубликована Вашингтоном на английском языке и с исключительной быстротой переведена на многие иностранные языки и разослана во все столицы свободного мира. Москва нигде и никак не опровергла текста этой речи и тем подтвердила и самую речь и правильность ее содержания.

Нет смысла передавать содержание этой речи, — оно известно всем. Но есть смысл подчеркнуть одну характерную подробность. Комментаторы толковали эту речь со всевозможных точек зрения и с разных сторон взвешивали и освещали ее, но очень редко кто из них указывал и то вскользь на то, что Хрущев своими разоблачениями деятельности Сталина и обвинениями его в ряде ошибок и кровавых преступлений ударил не только по одному красному деспоту, но и по всей коммунистической партии, по всему коммунистическому режиму. И прежде всего Хрущев ударил по всей своре ближайших помощников, сообщников и ревностных соучастников Сталина, то-есть, по самому себе, по Молотову, Булганину, Микояну, Кагановичу, Маленкову и прочим, ныне стоящим у власти, в СССР.

Коммунистическая верхушка, сидящая в Кремле, совершенно откровенно выпорола себя — публично и чистосердечно. Указывая на тяжкие грехи Сталина, эта верхушка в лице Хрущева с удивительным цинизмом призналась во всей той подлости, которую она творила в СССР и в его сателлитах, ретиво помогая Сталину распинать русский и другие народы на кресте безмерных страданий и томления в рабстве, лжи и насилии. Всем ясно, что без своих вышеупомянутых соучастников и старателей Сталин не мог бы проводить в жизнь кровавую систему социалистического гнета, которой он душил подневольное население СССР. Никита Хрущев был одним из видных и одним из наиболее энергичных и жестоких палачей русского народа. Одобрив все сталинские злодеяния и проводя эти злодеяния в жизнь, свора кремлевских сатрапов неразрывными узами связала себя со всем кровавым блудом бушующего в России коммунизма.

Если нет оправдания Сталину, то в такой же мере нет оправдания и всем этим Хрущевым, Булганиным, Кагановичам, Маленковым.

О какой перемене режима в России или о каком смягчении его можно говорить, поскольку у кормила джентльмены пыток, нагана и конц-правления там стоят все те же

лагерей?! Нравственный облик всех этих джентльменов, в том числе и свой, Хрущев обнажил в своей речи на закрытом заседании XX-го съезда достаточно наглядно и вполне убедительно, а, главное, документально.

Что же вызвало Хрущева на такое самобичевание, что именно побудило его выпороть себя и всю коммунистическую головку Кремля? Ведь Хрущев знал, что, выставляя Сталина, а вместе с ним и себя и всю компартию в таком кроваво гнусном виде, показывая всю мерзость коммунистической системы, коммунистических приемов государственного управления и смрада коммунистического насилия над всем и над всеми, он этим нещадно бьет по всему красному строю России. Конечно, все это Хрущев великолепно знал и сознавал и тем не менее выпорол и себя и всю компартию. В чем же дело?

Здесь прежде всего необходимо указать, что дело не в Хрущеве. Этот коммунистический начетчик слишком мелкая рыбешка, чтобы самовольно действовать от лично своего имени и по лично своей инициативе. Ясно, что Хрущев только сделал то, что приказал ему тот коллектив его товарищей по партии, который сегодня стоит у власти. Тут опять все тот же вопрос: — зачем понадобилось коллективную это самобичевание, это откровенное признание перед всем миром в своей грязи и в своей подлости?

Понадобилось вынужденно. Кремлевские сатрапы за все годы ужасной коммунистической диктатуры в России убедились наглядно в полном крахе их системы и всех их усилий. Они прежде всего убедились в том, что из русского человека им не удалось сделать «савецкую» скотинку — безликую и безвольную не удалось переделать душу русского человека, вытравить из русского человека его русский дух. его устремленность к религии, к Богу, к Церкви и преодолеть в российском подневольном населении его ненависть к красной власти. Кремлевские сатрапы поняли, что они как были одиноки в океане российского населения, так одинокими и остались, — как были

чужды всем, так чуждыми и пребывают, — как были захватчиками, так захватчиками и являются в глазах поработанного ими населения. Срастания, смычки с народными массами у них не произошло никакой, — масло с водой смешать им в одно целое не удалось.

Кремлевские заправилы поняли и с каждым днем все нагляднее и тревожнее убеждаются, что никакие пятилетки их и никакие их убеждения самым жестоким террором не обеспечивают, не могут обеспечить страну ни хлебом, ни одеждой, ни обувью, ни даже простым гвоздем или куском самой обыкновенной писчей бумаги. Всего не хватает в СССР, все приходится прикупать за границей, выбрасывая десятки тонн русского золота на заграничные рынки для покупки машин, зерна, шерсти и даже рыболовных судов..

В СССР идет повальный, систематический, всенародный саботаж, изощренно неуловимый, но повсеместный и упорный. Только на одном фронте коммунисты преуспевают в России, на военно-промышленном. Но и тут они стоят перед страшным для них явлением: СССР фактически не имеет армии. Этому факту не следует удивляться. Ибо, что такое армия вообще и, в частности, Красная армия? Это — мобилизованный крестьянин и мобилизованный рабочий. Дать этим русским людям, в груди которых, где-то в глубоких тайниках их душ кипит одна лишь ненависть к коммунистам, — дать этим людям винтовку с боевыми патронами?! Одна только эта мысль приводит в смертельный трепет кремлевских сатрапов. Они великолепно помнят опыт Второй Мировой войны, когда свыше четырех миллионов их кадровых войск перешло в плен к немцам. Это было 15-ть лет тому назад, — у нас нет никаких оснований полагать, что за этот короткий срок русский крестьянин и русский рабочий переменили свои нежные чувства к своим истязателям и палачам. О каких же тут реальных дивизиях и армиях СССР можно серьезно говорить?!

Отсюда понятно, почему кремлевские сатрапы так жадно стремятся к мирному сосуществованию с буржуазно-капиталистическим миром, — у коммунистов нет армии, они не могут воевать. У них есть ЧОН (Части Особого Назначения), есть техники, ме-

ПО СЛУЧАЮ ИСПОЛНЯЮЩЕГОСЯ 12 СЕГО ИЮЛЯ В ДЕНЬ СВВ. АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА 50-ЛЕТИЯ АРХИЕРЕЙСКОГО СЛУЖЕНИЯ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЕЙШЕГО МИТРОПОЛИТА АНАСТАСИЯ, ПЕРВОИЕРАРХА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ, ВО ВСЕХ ХРАМАХ АРГЕНТИНСКОЙ ЕПАРХИИ 15 СЕГО ИЮЛЯ ПОСЛЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТУРГИИ

будет отслужен

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ БЛАГОДАРСТВЕННЫЙ МОЛЕБЕН.

В номере:

М. М. Спасовский
УДАР ПО КОММУНИЗМУ

Н. Жигулев
ГЛАЗА БЕССТЫЖИЕ

Проф. Б. Ширяев
РОССИЯ В XIX ВЕКЕ

Н. Потоцкий
ОБЗОР ПЕЧАТИ

Михаил Бойков
«ВЕРНИСЬ, Я ВСЕ ПРОЩУ!»
(Продолжение)

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

Н. Кусаков
ВСЮДУ ЖИЗНЬ
Повесть
(23-е продолжение)

Лидия Норд
ИЗ БЛОКНОТА
СОВЕТСКОЙ ЖУРНАЛИСТКИ
(Продолжение)

ханики, инструкторы, инженеры, шпионы, послы, посланники, консулы и прочие там провокаторы и мокрых дел мастера. Но это не армия это не то, что нужно для войны.

Вот если учесть всю эту атмосферу и все это положение внутренней жизни СССР, то станет понятным не сомненная истина: — уход на ущерб коммунизма в России. Все эти смены, замены, перемещения и отставки разных там Молотовых и Кагановичей и все эти разоблачения и обвинения свидетельствуют только об одном, — о растущем смертельном страхе кремлевской верхушки перед российским населением, перед нескоро немимым его духом со всеми его извечными свойствами и стремлениями, о дешевом желании соучастников свалить вину за общие преступления на другого и как-то хитро и цепко удержаться у власти хотя бы путем какого-то дикого покаяния и одновременно выживания новых сил, молодых и не очень-то запячканных в пролитии крови русского народа.

В общем, на кремлевской верхушке чувствуется большое внутреннее напряжение, смятение и несомненная растерянность, прикрытая фальшивой бравадой и фальшивой самоуверенностью. Говоря другими словами, — мы стоим накануне великих сюрпризов. И удар по коммунизму, нанесенный кремлевскими коммунистами, знаменателен во многих отношениях.

М. М. Спасовский

Н. Поточкин

Обзор печати

В «Знамени России» от 6-го мая с. г. (№ 140) напечатана прекрасная речь Н. Н. Чухнова, произнесенная им на открытом собрании русских монархистов в Нью-Йорке 15 апреля с. г. Особенно хочется отметить следующие пассажи из этой речи, из которых каждый добросовестный монархист обязан сделать для себя определенные практические выводы:

«Мы присутствуем при акте несомненного разложения коммунистической власти, наблюдаем начало процесса, который может быть уподоблен эпохе конца Римской Империи, когда развращенные легионеры сменяли императоров, как наложниц».

«Но для Русского народа и для нас, представителей этого народа в Зарубежье, приоткрываются некоторые возможности навалиться на советскую власть и помочь в раскачивании того столба, на котором она кое-как держится. Слова нет, — задача огромная, но актуальная. Но для ускорения происходящего процесса мы все же кое-что сделать должны».

«Прежде всего, находясь в безопасном далеке, мы все, сообща, должны кренить идею Российской Государственной Власти, основанной в 862 году, победившей все препоны, в течение тысячелетия создавшей великолепную Империю».

«Мы не должны от этой идеи отходить ни в угоду своекорыстным интересам иностранцев, ни в силу модных веяний, ни по наговорам врагов России».

«Все, как один, мы должны стоять за восстановление самопетного престола Мономаха, за его законного Правопреемника».

«Мы должны сколачивать кадры людей, которые ежечелно гимнастикой своей воли подготовили бы себя к подвигу, при первой возможности, уйти в Россию и там разжечь тлеющий костер русской государственной мысли».

«Мы все, и стар, и млад, должны дать обет служения делу божьему за Россию и ее Законного Государя. Мы должны, плечом к плечу, объединиться в наших монархических организациях не только для того, чтобы где-либо чи слиться, но чтобы в них работать и работать» (курсив везде мой Н. П.) Мы должны открыто исповедывать нашу идею и быть готовыми, так или иначе, за нее пострадать. Нас, монархически мыслящих людей, в эмиграции много, почти 80 %: это — два миллиона душ. А два миллиона, если они знают, чего хотят и действительно этого хотят, — могут сделать многое».

Многим русским эмигрантам и, в особенности, так называемым непредрешенцам, следовало бы задуматься над следующими словами В. Д. Мержеевского в его блестящей статье «Пути правды» в № 58 «Владимирского Вестника» (май с. г.):

«В русской эмиграции мы можем наблюдать курьезное явление. Левая ее часть, знает, чего хочет, и никакой политической линии не надевает. Эти люди хотят Россию без большевиков и без Царя. Они приветствуют революцию, но недовольны большевиками, с которыми хотели бы сот-

рудничать, но последние их к власти не пускают. Разногласия между ними ясны: краденого не поделили».

«В то же время правая часть эмиграции хочет заверить левую, что она вовсе не реакционна, что она тоже за революцию, но только с некоторыми поправками, о которых в данное время не стоит и говорить. Получается смешно и печально. В целях страховки перед революционерами создана так называемая теория непредрешенчества. Она является плодом работы идеологов без идеологии, которые своими трудами как будто бы очень довольны. Если спросить непредрешенца, за что в конце концов он стоит, то ему ответить нечего. Как будто бы не за революцию, но и не против; не за монархию, но и не за республику; против коммуны, но и не за восстановление частной собственности; не за землю и волю но и не против. По меткому выражению одного журналиста: патриотизм, но ограниченный кругозор полкового буфетчика».

«Хуже всего, что такие политические убеждения, без убеждений, исповедываются лицами, стоящими во главе эмигрантской общины и воинских организаций и на таких жалких основах пытающимися создать объединение эмиграции, забывая уроки прошлого».

«А их забывать нельзя и не должно. В свое время неопределенность и туманность привели к гибели контр-революционную борьбу, и все заигрывания с революцией никогда успешны не бывали. Революция взяток, даже идейных, оказывается, не берет и требует от своих адептов полного подчинения. В наши дни определенность в политике становится насущной необходимостью».

В № 50 «Русского Воскресения», в статье «Хрен редьки не слаще», Ирина Сабурова делает следующую небезынтесную экскурсию в наше историческое прошлое, которую весьма полезно прочесть заядлым хуликам этого прошлого.

«В то время, как в Америке, после первоначального дикого уничтожения северо-американских индейцев, длившегося столетиями, так называемые «резерваты» для них были учреждены только сравнительно недавно, — в прежней России (скажите просто «в царской», госпожа Сабурова, зачем же так стесняться!) эти естественные заповедники на окраинах существовали испокон веков. И даже: военно-морской русский флот нес береговую охрану в северных водах, дабы воспрепятствовать иностранным торговым судам входить в сношения с туземцами, которых они спаивали, что бы получить у них за бесценок до роги мех; во многие области под страхом каторжных работ было запрещено всем русским ввозить спирт, чтобы предохранить туземцев от алкоголизма, который в противном случае развивался у них необычайно быстро, продукты своей охоты и рыбной ловли они продавали, когда и кому хотели: не знаю, как обстояло дело с налогами, но думаю, что, если они были, то безусловно незначительными: воинскую повинность эти народы не несли».

Одним словом, «демократия» и — демократия... «Тюрьма народов», «ужасный царский режим» и прочее, с одной стороны, и «нетленные цей-

Николай Жигулев

ГЛАЗА БЕССТЫЖИЕ

Когда, при облаве, волка загоняют в тупик, он начинает кричать позаячи. Нечто подобное случилось и с новым властелином Кремля Никитой Хрущевым, ходом исторических законов загнанным в тупик краха всей государственной системы СССР.

Речь этого верного ученика Ленина-Сталина, произнесенная им на заседании 20-го съезда коммунистической партии, ясно вскрыла гнойник в правлении этой партии и подтвердила то, о чем Российская эмиграция толкует Западной общественности в течение почти сорока лет, подтвердила, в каких страшных тисках бесправия, под игом кремлевских временщиков находилось и находится многомиллионное население страны.

Собственно говоря, речью-то выступление Хрущева назвать нельзя, поскольку оно носит скорее характер признания преступника, пойманного с поличным и стремящегося свою вину свалить на своих соучастников по «мокрым» делам. В этом выступлении, прежде всего поражает цинизм, граничащий с самобичеванием, с которым «оратор» оголяет всю коммунистическую структуру власти и оголяет тех, кто стоял у руля этой власти.

Жутью средневековья несет от Хрущевских разоблачений своего умершего учителя. И чем больше разоблачает Хрущев деспотию и безумство Сталина, тем неприглядней встает в своей отвратительной сущности вся коммунистическая партия, за которой блекнет образ самого деспота.

Какими же непрезойденными негодьями и подлецами должны были быть те же Хрущев, Булганин, Микоян, Молотов, Ворошилов и все убитые и, ныне реабилитированные большевики, чтобы проводить в жизнь сталинские приказы и безропотно исполнять его распоряжения. Ведь вся эта банда, дорвавшаяся до власти, представляет собою не простых обывателей, не простых рабов из колхозников и рабочих, над которыми постоянно висел кнут и наган работодателя, а тех, кто революционным путем боролся за осуществление своих идеалов, тех, кто впоследствии сам создавал этих рабов...

Не мог же Сталин самолично, вкупе со Берия, расстрелять миллионы людей, другие миллионы сослать в концлагеря — для этого нужны были сотни сподручных. Где же эти сподручные? Хрущев о них не упоминает, но они сами дают о себе знать, являясь участниками 20-го съезда компартии. Когда Хрущев на съезде страницу за страницей раскрывает режим при Сталине, сподручные эти реагируют «возгласами негодования», «возбуждением в зале», «движением в зале» и т. д. А возбуж-

ности», воплощенные в «демократических принципах», с другой. Только «Великого Февраля» этим бедным туземцам и не хватало!

В одном из последних номеров большого французского еженедельника «Матч» известный французский журналист Раймонд Картье приводит суждения о нынешнем политическом положении в СССР двух наиболее компетентных — или вернее, обязанных быть компетентными — в этом вопросе государственных деятелей САСШ: государственного секретаря Д. Ф. Даллеса и американского посла в Москве Чарльза Болен. Первый, в своем ответе на упрек одного сенатора, сказавшего, что он, Даллес, воспринимает это политическое

далась ли и негодовала ли вся эта коммунистическая шайка, когда сама, видя страдания и слезы российских рабов, составляла списки на их выселение в дальние лагеря, писала ордера на арест, выносила резолюции о «расстреле врагов народа», доводила «план до двора» и т. д. и т. п.

«Комиссия ознакомилась с большим количеством материалов в архивах НКВД и другими документами и установила множество фактов по фабрикации дел против коммунистов, ложные обвинения, вопиющие нарушения социалистической законности, приведшие к смерти невинных людей»...

сообщает на съезде аудиторией Хрущев. «Комиссия ознакомилась»... А без этой комиссии Хрущев не знал, что большинство дел на арестованных в СССР — дутые, что пресловутая их «социалистическая законность» в жизни превратилась в беззаконность с первого же дня воцарения их на власть. Разве эти факты беззакония не существовали при Ленине, при Дзержинском, Менжинском, Ягоде, Ежове? И разве вся система коммунистическая не зиждется на этом вопиющем беззаконии?

Цитировать выдержки из разоблачений Хрущева и делать к ним комментарии смысла нет, но на некоторых моментах этого архивыступления остановиться надо.

Первое то, что Хрущев показал Западной общественности коммунистический товар лицом.

Второе то, что правители СССР ни к какому созидательному труду не способны, а только к государственному разбою.

Третье — Хрущев предупредил западных государственных мужей, что при встрече с коммунистическими представителями им надо иметь при себе не вверительные грамоты и мандаты, а наручники.

Четвертое то, что Хрущев своим разоблачением расколол единство коммунистических партий Европы и Нового Света.

И пятое... некоторые наши эмигрантские политические комментаторы, за «речью» Хрущева видят какую-то «мощь» СССР и считают, что его выступление является ширмой для этой «мощи», а вместе с тем и угрозой со стороны Кремля. Но, при нынешней политической ситуации одной военной «мощи» недостаточно. Необходим крепкий тыл. А его-то в СССР и нет. Тыл там, наоборот, представляет угрозу для самой коммунистической власти. Повстанчество на Украине, диверсия, брожение в Польше, демонстрации в Тифлисе и движение за свою независимость в Грузии, волнения в Сибири — вот, что заставило Хрущева надеть на себя «власяницу» и своим разоблачением спасать суверенитет коммунистической диктатуры.

Николай Жигулев

положение, как «сон в летнюю ночь» (т. е., с чрезмерным оптимизмом), отстаивал свою точку зрения, согласно которой советская власть в настоящий момент очень слаба во многих жизненных пунктах, что внутреннее положение в СССР очень плохо, что именно поэтому советские заправилы принуждены, под давлением спешной необходимости, менять свою политику и свою идеологию. Снявши Сталина с его пьедестала, эти заправилы как бы развенчали самих себя. И в общем, для свободы народа в СССР сейчас открываются такие возможности, каких у него не было уже давно.

Болен не разделяет эту точку зрения. Или, точнее, он допускает возможность появления таких измене-

ний в советской политике и таких возможностей для свободы только в будущем. Несомненно, что глубокие перемены, которые даже трудно предвидеть, явятся результатом перехода от фараоновой тирании Сталина к некоему режиму, при котором острота страха уже притупилась, — так же, как будущее держит в запасе и конфликт между СССР и красным Китаем. Но о настоящем приходится судить иначе.

«Если теперешние правители СССР, — говорит Болен, — и развенчали Сталина по причинам внутреннего характера, то все же они сильны, приблизительно едины и, по всему вероятно, продолжатся долго. Диктаторская сущность советской системы не изменилась от перехода абсолютной власти из рук одного человека в руки нескольких. Коллегиально наследники Сталина так же могущественны, как был он, и привычка к насилию, презрение к слабости вооруженной силы («а сколько дивизий у Папы?») не разжижились в пяти или шести головах коллективного тирана России. Новые правители развенчивают Сталина, но сами они — продукт Сталина, разделяют его философию силы и думают, как думал он, что атомные бомбардировщики — высший аргумент королей».

Один американский журналист рассказывает следующую историю. В прошлом году, на авиационном празднике в Москве, один из иностранных военных атташе направил свой бинокль на официальную трибуну в тот момент, когда в воздухе появились советские авионы самых последних моделей. И он увидел на этой трибуне сцену необычайного ликования: возбужденный Хрущев буквально прыгал от радости, в то время, как его товарищи, в таком же раже, награждали друг друга восторженными тумаками. Советские правители верят только в оружие и боятся только оружия. Сейчас, под командой такого brutального типа, как Хрущев, они еще более опасны, чем Сталин, который, по крайней мере, взвешивал риск и старался его избежать. А в то же время они гораздо легче, чем их ужасный предшественник, увлекают Запад в ловушку разоружения, тогда как их собственная военная промышленность могущественна, модернизирована и непрерывно возрастает, с расчетом на молниеносную разрушительную войну. По мнению Болена, Хрущев в Лондоне проговорился и выдал новейший секрет советской авиации — ракету, способную сбросить водородную бомбу в любой точке земного шара.

«Если бы Запад не был слеп и глух — говорит Болен — это была бы огромная услуга, оказанная ему Хрущевым. Но Запад, во главе с Америкой, слеп и глух». Пресловутый Атлантический военный союз терпит неудачу: он мог бы, еще в 1954 году иметь 100 дивизий — сейчас их у него всего 18. Недаром ушел со своего поста главнокомандующий вооруженными силами Запада генерал Грюнгер — он разочаровался, не добившись результатов в намечавшемся им усилении и реорганизации этих сил.

Продолжая свой анализ создавшегося положения, Болен указывает, что конечной целью коммунизма является захват власти над всем миром, что «сосуществование», как и разоружение, является вопросом простой тактики данного момента. В настоящем же целью Кремля является разрушение Атлантического Союза, един-

ственного щита Европы. Глубоко ошибается тот, кто думает, что Западная Европа перестала быть объектом воледелений большевиков, что они намереваются приступить сначала к завоеванию в Азии или в Африке. Они попрежнему учитывают колоссальные ресурсы, которыми располагает Европа, вместе с ее огромным населением. Поэтому первым объектом завоевания для Кремля остается Европа; все же, что ими делается в Азии и в Африке, это лишь обходное движение в отношении Европы — это ясно высказал такой дальновидный государственный деятель, как Аденауэр, после своего путешествия в Москву прошлым летом.

Картина, нарисованная Боленом, конечно, весьма тревожна; но было бы ошибочным думать, что американское военное командование не учитывает грозных перспектив грядущего столкновения двух миров. И в одном из последних номеров интереснейшей (и ярко антикоммунистической) французской газеты «Ривароль» один из лучших французских журналистов Христиан Эрранс рассказывает нам, что, во-первых, днем и ночью половина всего стратегического атомного воздушного флота САСШ находится в воздухе, чтобы не только перехватить могущие появиться в воздухе советские ракеты и бомбардировщики, но и самим нанести СССР страшные удары при первом появлении опасности советского нападения; а, во-вторых, именно в Европе, в случае наступления на нее многочисленных советских дивизий, их численное превосходство будет парализовано наличием тактической атомной артиллерии, которой, по всей видимости, у Советов еще нет. Новейшая тактика в употреблении этого страшного оружия должна состоять в том, что несколько таких тактических атомных бомб совершенно уничтожат вооруженные силы врага на территории радиусом от 20 до 30 километров, и создаваемая таким образом «тыра» занимает пехотой, доставленной на планерах. Поэтому, по мнению лучших специалистов НАТО в Пентагоне, если Красная армия поведет массированное наступление на Западную Европу, она пойдет навстречу своему грандиозному разрушению. Конечно, подобная стратегия предполагает превосходство в воздухе. Но если авиационные заводы Запада будут работать полным ходом, его воздушное превосходство через два или три года будет подавляющим. Кроме того, воздушные силы Запада будут свободны в выборе своих объектов, в то время, как красные будут принуждены прикрывать громадные территории, над которыми они господствуют.

Все эти политические и стратегические соображения грешат одним недостатком, забывая самое главное — поведение тех народов и тех армий, и прежде всего, народа русского и его армии, которые будут в той или иной форме реагировать на события в самом начале войны. Если «Иван» станет на сторону Запада, не помогут Кремлю никакие водородные ракеты. Но сделать этого Ивана союзником Запада правители последнего должны заранее, и вот, к сожалению, об этом все эти выдающиеся государственные деятели и журналисты свободного мира не говорят ничего. Неужели же они действительно глухи и слепы?

Ужасно неприятный факт для г.г. поклонников демократической республики сообщили последние французские и итальянские газеты по поводу

Политическая Хроника

А. И. Альтаментов.

Нам пишут из Нью-Йорка:

Здесь скончался русский зарубежный журналист А. И. Альтаментов, писавший под псевдонимом Касим.

Покойный был новым эмигрантом. Его работа в русской зарубежной печати началась после войны, в Мюнхене, где он был сотрудником нескольких монархических изданий. В Соединенных Штатах, куда он переехал из Германии, А. И. Альтаментов первоначально продолжал сотрудничать в русской прессе и принимал участие в жизни русских монархических организаций, но затем, вследствие продолжительной и тяжелой болезни, был вынужден отказаться от продолжения этой работы.

В Политическом Комитете.

Нам пишут из Нью-Йорка:

Под председательством С. Л. Войцеховского здесь состоялось информационное собрание членов Российского Политического Комитета. Собрание почтительно память скончавшегося члена Комитета и сотрудника «Нашей Страны» А. К. Беденкова и память скончавшегося во Франции С. П. Мельгунова.

Правление Комитета представило собранию подробный доклад о действиях Комитета в течение первой половины 1956 года, в частности, — о встречах представителей Комитета с некоторыми руководителями Американского Комитета Освобождения от Большеизма.

В качестве гостей в собрании участвовали представители Св. Владимирских Кружков Молодежи и воинских организаций.

Поездка Б. В. Сергиевского

Нам пишут из Мюнхена:

Председатель Российского Политического Комитета в Нью-Йорке Б. В. Сергиевский посетил Канны, где ознакомился с созданным в этом городе Домом Толстовского Фонда.

Из Канн Б. В. Сергиевский прибыл в Париж, где, по приглашению

выборов в органы местного самоуправления в Италии, только что имевшее место: там появилась новая партия, и какая! Около 900 тысяч итальянцев, при полнейшей демократической свободе выборов, голосовали за народных монархистов! Так что те наши патентованные «либералы» и «демократы», которые собирались хоронить монархию вообще, а Народную Монархию считают какой-то нелепой выдумкой «мракобесов» и «черносотенцев», получили хороший ушат холодной воды на свои столь передовые республиканские головы. Мы же, народные монархисты, можем только искренне радоваться: не только прошлое, но и настоящее, и притом в одной из совершенно демократических стран, показывают нам, что наша идея жизнеспособна и рождается из искреннего отталкивания народных масс от отживающих свой век фальшивок «демократических» республик, которые на практике ведут рано или поздно к кабаку и к национальным катастрофам. Радуйтесь, друзья народные монархисты — мы уже не одни! И почему, собственно, невозможно, что такие же политические течения, как наше и итальянское, могут появиться и у других народов Запада, которые на собственном опыте поймут, наконец, что только Народная Монархия сможет вытаскивать их из того болота «нетленных ценностей», которое грозит совершенно засосать то, что еще осталось от их подлинно национального духа?

Н. Потоцкий

Русского Обще-Воинского Союза, сделал в этом Союзе доклад о положении русского дела в Америке.

Из царяжа Б. В. Сергиевский приехал в Мюнхен, где он познакомился с работой радиостанции «Освобождение» и посетил Институт по изучению СССР. Кроме того, в Мюнхене председатель Российского Политического Комитета встретился с руководителями русских эмигрантских организаций в Германии.

Из Мюнхена Б. В. Сергиевский выехал в Норвегию, Бельгию и Англию.

Дело М. В. Шатова

Нам пишут из Нью-Йорка:

Здесь состоялась организованная Американским Комитетом Освобождения от Большеизма пресс-конференция, во время которой председатель Сев.-Американского отдела СЪОНР-а М. В. Шатов сообщил журналистам о сделанных большевиками попытках уговорить его вернуться в СССР или стать советским агентом в Америке.

По словам М. В. Шатова, которого американские газеты называют новым эмигрантом, бывшим офицером Советской армии и бывшим начальником личного конвоя генерала А. А. Власова, эти попытки были сделаны вторым секретарем советской делегации в Объединенных Нациях Р. Шаповаловым и одним из служащих этой делегации А. Петуховым.

Шатов познакомился с ними на курсах английского языка для иностранцев, существующих при Колумбийском университете в Нью-Йорке. Советские представители были слушателями этих курсов одновременно с Шатовым. Они предложили Шатову вернуться в СССР и обещали ему, в случае возвращения, работу и безопасность, сославшись при этом на советского делегата в Объединенных Нациях, Соболева, который, якобы, гарантировал исполнение этих обещаний.

Петухов, по словам Шатова, однажды обратился к нему с просьбой купить для него в Нью-Йорке аккордеон, а затем позвонил Шатову по телефону и спросил, исполнил ли Шатов его поручение. По мнению Шатова, этот запрос по телефону был провокацией, рассчитанной на то, что разговор будет подслушан американцами и создаст у них впечатление, что Шатов стал советским агентом и исполняет советские поручения.

Петухов и Шаповалов просили Шатова доставлять им эмигрантские печатные издания и сведения о некоторых русских эмигрантах.

Об этих предложениях и запросах Шатов сообщил американской полиции и сенатской подкомиссии по делам внутренней безопасности в Вашингтоне. 13-го июня Шатов был допрошен в Вашингтоне этой подкомиссией и дал ей показания, которые он затем повторил во время пресс-конференции.

Американская пресса уделила делу Шатова большое внимание. Подробные сообщения об его показаниях появились во всех газетах.

Высылка из Аргентины советского морского атташе

30 июня вечером министерством иностранных дел Аргентины было разослано по редакциям газет следующее сообщение для опубликования в печати:

«Сегодня, в 20 час. 30 минут, вице-шеф протокола государства др. Х. А. Пенья Гаона посетил посла СССР в Аргентине и передал ему лично вербальную ноту правительства, объявляющую, что морской атташе по- (Продолжение на 8-ой стр.)»

Проф. Б. Ширяев

Россия в XIX веке

Объективность в изложении исторических событий и беспристрастие при их оценке — необходимейшие и главнейшие качества каждого историка. Следовать этим принципам обязан также и рецензирующий его труд и просто оценивающий его рядовой читатель. Поэтому при разборе выпущенной Чеховским издательством книги С. Г. Пушкирева «Россия в XIX веке» мы проходим мимо некоторых наших разногласий с автором в его характеристиках исторических лиц этого периода, воздавая прежде всего заслуженную положительную оценку всему его труду в целом, обилию собранного им и умело скомпонованного материала, самой структуре его книги, а главное той исторической объективности, к которой успешно стремится сам автор, преодолевая господствующий, к сожалению, в нашей исторической науке до сих пор гипноз тенденциозно-прогрессивных «авторитетов», а в некоторых случаях и попросту опровергая их концепции, как измышления, как мифы, как выдумку.

«Я стремлюсь быть только объективным докладчиком, но не судьей нашего исторического прошлого», — пишет в предисловии автор рассматриваемого труда и не только пишет, но осуществляет эти поставленные самому себе требования на протяжении всех 486 страниц текста. Для этого он широко пользуется подлинниками: цитатами из манифестов, писем, докладов и т. д., характеризующих тех или иных исторических лиц, иначе говоря, дает читателю материал для собственного заключения, не стараясь внушить ему в каждом отдельном случае положительное или отрицательное отношение к историческому лицу или акту. Таким образом, не регламентируя себя ни монархистом, ни «прогрессистом», ни вообще лицом тех или иных политических убеждений, С. Г. Пушкирев, быть может, даже и против своей воли, но лишь в силу долга исторической объективности раскрывает на страницах своего труда затухавшую «прогрессивными» историками огромную и благодетельную для государства-нации роль самодержавия и работу государственного аппарата, действовавшего по воле и указаниям Самодержцев XIX века: Императоров Николая I, Александра II и частично Николая Второго.

Труд С. Г. Пушкирева «Россия в XIX в.» построен автором не в хронологическом, но в систематическом порядке. Он группирует исторические факты, объединяет их в комплексы и тем самым знакомит читателя с историческими вопросами в целом, что, конечно, является качеством книги. Основное внимание автора направлено на внутреннюю политику государственной власти и отношения, существовавшие в данный момент между правительственным аппаратом и обществом. В этом разделе он уделяет очень большое внимание функционированию в русской общественной оппозиционным по отношению к монархии течениям, но сам сознается в этой допущенной им некоторой односторонности, оправдывая ее тем, что оппозиционные политические течения играли в истории России XIX века большую роль, чем течения, поддерживавшие внутреннюю политику монархии. К сожалению, нам придется в этом согласиться с автором, но одновременно все же поставить ему в упрек недостаточное освещение на-

ционально-русских направлений общественной мысли, выраженных в политике, публицистике и литературе. Прекрасно разработана автором и другая тема — планомерный разбор социально-экономических отношений на протяжении всего века и политика правительства в этом направлении. Внешней политике и, в частности, войнам автор уделяет меньшее внимание. Он рассматривает главным образом причины и следствия войн, но не самые военные действия. Еще меньшее внимание автор уделяет культурной жизни нации, давая лишь краткие перечисления главнейших имен работников русской культуры со столь же краткими характеристиками их направленности. Отражение искусства совсем не находится места в его книге. Но ставить упрека в данном случае автору не приходится: совершенно ясно, что им предельно использован лимит, предоставленный Чеховским издательством для выпускаемых им книг, и расширить свой труд в этом направлении С. Г. Пушкирев не мог по недостатку места.

Рассматривая царствование Императора Николая Первого, автор ни в какой мере не замалчивает его дефектов, главным из которых была гипертрофия бюрократизма, но вместе с тем показывает читателю и огромную, бесспорно прогрессивную работу, сделанную в отдельных ведомствах за это время. Читатель знакомится со многими фактами, укрытыми от его внимания тенденциозно-прогрессивными историками, изображавшими это царствование «Николая Палкина», как эпоху шницрутен, кувшинных рыл и прочих гоголевских типов. Зато перед ним встают мало известные исторические фигуры дельного и разумного бюрократа-финансиста графа Канкрин, приведшего не только в порядок, но в блестящее состояние финансы Империи, широкая и тоже прогрессивная работа графа Уварова, огромный труд по систематизации свода Законов, осуществленный под руководством графа Сперанского и главным образом деятельность графа Киселева, выполнившего всю подготовительную к освобождению крестьян огромную по своему масштабу работу. Эта деятельность министров Самодержца Николая Первого была скрыта от их современников в тиши различных комитетов, кабинетов и т. д., от потомков же умышленно замолчена очень многими из историков.

Главы, в которых автор глубоко и всесторонне освещает эпоху великих освободительных реформ Александра II можно смело назвать торжественным хвалебным гимном направленной ко благу государства и нации воле Самодержца. С. Г. Пушкирев ярко освещает, пользуясь подлинными историческими документами, высокое напряжение борьбы, которую пришлось вести молодому Царю-Освободителю и его ближайшим сотрудникам с количественно и по влияемости превосходящими их крепостниками.

Читателю становится совершенно ясно, что при устранении воли Самодержца и самого принципа самодержавия, освобождение крестьян не было бы тогда осуществлено, так как дворянско-крепостническая оппозиция была слишком сильна и на местах и в самом дворце. Группа же подлинно передовых сторонников реформы была по сравнению с ними незначительной и, кроме того, имела

еще оппозицию слева, со стороны революционно-радикальных шестидесятников. В качестве прекрасной иллюстрации к этому автором рассказан такой мало известный факт: главный организатор и детализатор реформы Я. И. Ростовцев скончался, не дожив года до ее осуществления; Государю предстояло отыскать другого, столь же опытного администратора для ее окончательного оформления и проведения в жизнь. Найти такого человека было очень трудно, и пришлось назначить на место Ростовцева опытного и дельного графа Панина... по убеждениям яростного крепостника. Но категорический приказ Самодержца заставил этого зубра действовать в направлении обратном его личным стремлениям и выполнить возложенную на него задачу. Воздаст должное Пушкирев и ближайшим сотрудникам Царя-Освободителя: князю Черкасскому, славянофилу Ю. Ф. Самарину и особенно в дальнейшем фельд-маршалу Н. А. Малютину, а также и брату Государя, Великому Князю Константину Николаевичу. В заключительной части этих глав автор уделяет много внимания непосредственным следствиям реформы: бурному росту экономики и промышленности, развитию железнодорожной сети, расширению народного образования, осуществлению всеобщей воинской повинности и тесно связанным с ними военно-организационным мероприятиям, вовлечению передовых дворянских кругов в административную работу на местах (мировые посредники) и, наоборот, привлечение крестьян к участию в местном самоуправлении (земство) и т. д. Следует отметить между прочим что упрек в недостаточном по количеству наделении крестьян землей С. Г. Пушкирев категорически опровергает, как миф. При осуществлении реформы помещичьи крестьяне были наделены землей в достаточном размере (чего не было ни в одном европейском государстве), а государственные крестьяне получили даже богатые наделы. Мало-земелье же центральных губерний возникло позже, в силу прироста населения, низкой агротехники и, главным образом, общинному характеру крестьянского землепользования, которое автор труда, равно как и мы, считает самым слабым местом крестьянской реформы, введенным в нее лишь под давлением близоруких администраторов справа и радикальных шестидесятников слева (Герцена, Чернышевского, позже Лаврова и Ткачева), видевших в общине эмбрион осуществленного социализма, говоря по-современному, колхоза.

Столь же ярко и полноценно освещены С. Г. Пушкиревым и другие реформы великого царствования Самодержца-Освободителя. Попутно автор опровергает, как миф, «традиционное представление о том, что революционное движение в России началось лишь как ответ на правительственную реакцию или даже террор». Неопровержимыми хронологическими данными он доказывает, что «бесы» в России начали свою гнусную деятельность именно в самый разгар ее всестороннего раскрепощения по воле Самодержца.

Дальнейшим развитием освободительной крестьянской реформы автор, как и мы, считает эпоху Столыпина — ряд новых узаконений, введенных им с полного одобрения Царя-Мученика.

Рассказывая читателю краткое содержание этих прекрасных глав книги «Россия в XIX веке», мне, как рецензенту этого труда, приходится расставлять точки над и. Сам автор по причинам, которые приходится ис-

Нужная книга

Агроном И. Ф. Скворцов

«К земельной реформе новой России»

Читателям «Нашей Страны» известны статьи агронома И. Ф. Скворцова по земельному вопросу, печатавшиеся во многих номерах «Нашей Земли». В настоящее время И. Ф. Скворцов выпустил свой труд в двух книгах. В этом своем труде автор не поддавался однобокому политическому искушению, а дав объективный анализ состояния прошлого и настоящего (советского) земельного хозяйства, в третьей части своей книги дает развернутый проект положения будущего сельского хозяйства в Новой России.

Положив в основу проекта общегосударственные интересы и благосостояние всего народа страны, автор вместе с тем уделил внимание и самому труженнику земли, который должен жить в полном благополучии, как материально, так и духовно.

Автор находит, что в предстоящую эпоху самодовлеющее значение будет иметь единоличное крестьянское сельское хозяйство, организованное на основе совершенно свободного выбора форм землепользования, частной собственности на землю и при возможности ведения сельского хозяйства на высоком уровне агротехники.

Книга вполне может служить руководством для будущих организаторов сельского хозяйства и общественных деятелей новой России.

Не вина И. Ф. Скворцова, что ему пришлось печатать свои книги на мимеографе, а не в типографии — это общая наша беда: отсутствие у нас капитала на издательское дело.

И. И.

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ И
ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ

книга

Агронома И. Ф. Скворцова
К ЗЕМельной РЕФОРМЕ
НОВОЙ РОССИИ

в двух томах.

Цена всей книги 2.— ам. дол.
Выписать книгу можно через редакцию «Нашей Страны» и ее представителей на местах.

Вышла из печати
и поступила в продажу
новая книга
Ген.-Штаба Полк. Богданович
«АРАКЧЕЕВ»

Цена 1.50 ам. дол.

Склад издания

B. Riasnianski, Obligado 2130,
Buenos Aires, Argentina

кать в тенденциозной направленности издательства имени Чехова, не рискует оперировать термином Самодержавия, но из приведенных им фактов и документов благодетельная роль этого образа правления для России выясняется в полной мере. Воздавая должную хвалу всему труду С. Г. Пушкирева в целом, приходится пожалеть лишь о том, что его книга по сложности и обилию собранного в ней материала не может служить учебником уровня средней школы, в чем так нуждается наша молодежь, но зато она послужит прекрасным руководством для учителей истории в среде эмиграции, а в дальнейшем в свободной России.

Проф. Б. Ширяев

Н. Кусанов

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

(Записки вождеградского архивариуса)

ПОВЕСТЬ

(23-е продолжение)

— Мама! Скажи! Скажи, кто мой отец. Кто? Ты всегда так уклончива бываешь, когда я тебя о нем спрашиваю... Я не пришла осуждать тебя. Я знаю, что разное в жизни может быть. Я уже взрослая. Скажи.

Она умолкла. Мать взяла ее руку в свою.

— Нет, детка, — вымолвила она после долгого молчания. — Ты законная моя дочь.

Из Веринной груди вырвался легкий прерывистый вздох облегчения. Глаза осветились нежной едва уловимой улыбкой.

— Только я всегда оберегала тебя, детка. Не могла сказать раньше. Ведь ты мне все казалась такой маленькой. Это не о том я говорю, что надо в каком-то возрасте, чтобы детки знали, что их аист принес... Совсем другое. Ах, совсем другое. И я не могла сказать тебе раньше, боясь, чтобы ты по-детству не обмолвилась. Из-за этого я бывала всегда уклончива в разговоре о твоём отце. Не говорила тебе, кто твой отец, кто был мой муж. Надо было так, чтобы никто не знал. В те дни, когда ты была ребенком, мне удалось скрыть обстоятельства моего брака и смерти твоего отца. Бывают чудеса на свете! Фамилия у нас с тобой не редкая. Около того времени, когда мы жили с твоим отцом, в нашем доме жил наш однофамилец. Он уехал раньше, чем... — она проглотила трудное слово. — раньше, чем скончался твой отец. Я сообразила, что это случайное совпадение было нам с тобой на пользу. Смотри, детка. То, что я тебе скажу сейчас, ты никому, никогда не должна говорить. Впрочем, нет. Быть может, придет день. Бог даст, и говорить об этом будет можно. Должен же быть конец этому! Кто-то же нас когда-то освободит!.. Слушай: я подменила записи в домовых книгах, подчистила и подправила даты. Потом сделала вид, будто потеряла бумаги, и вот по документам оказалось, что я жена Спиридонова, который меня, будто бы бросил, а твой отец будто бы никогда моим мужем не был. Люди сплетни любят. Люди знали, что этот Спиридонов уехал достаточно задолго до твоего рождения, получалось, будто он меня бросил, обманув меня. Из этих сплетен и получалось, будто ты незаконная. Пусть думают, что хотят, а ты правду знай... Бог весть, как эта сплетня добралась сюда. Ведь было это все не в нашем забытом Богом Вождеграде, а далеко отсюда.

Она назвала город, где протекала ее юность, и откуда она поехала.

— Не пойму. — произнесла Вера. — А зачем все это? Разве с именем моего настоящего отца связывалось какое-нибудь преступление?

— Ах, нет! Боже сохрани! Он был честнейшим человеком.

— Так зачем же?

— Затем, что если бы не моя уловка, то мы с тобой, детка, никогда бы до сего дня не дожили.

— Да почему же?

— Потому что, если бы все было известно, то я давно бы лишилась заработков, а для тебя все пути к самостоятельной жизни были бы закрыты. Да и это еще в том случае, если бы тебе не пришлось бы оказаться беспризорницей.

— Да что же такое?

Вместо ответа Варвара Петровна поднялась с кровати, подошла к маленькому комоду, где лежал ее заветный сундучек и, достав из него фотографию, подала ее Вере.

Вера знала, как выглядят ее глаза. С зеркалом она вела свою девичью дружбу. Теперь, увидев на снимке священника в полном облачении, она по глазам узнала в нем своего отца. Несколько минут она молча смотрела на фотографию. Причина, из-за которой матери пришлось делать подлог, скрывать истину и держать дочь в неведении об ее отце стала понятной Вере без дальнейших объяснений. Перед ее взо-

ром пронесся калейдоскоп представлений. Вот она на комсомольском собрании распевает песни про попов, вот она заполняет анкету для поступления в техникум и в ответ на вопрос о социальном происхождении тщательно выводит «рабочий». Вот она сочувствует несчастью подружки по школьной скамье, не принятой в техникум по социальному происхождению, вот она в разговоре с подругами чувствует, как те намекают ей, что она незаконнорожденная, вот в разговоре о ком-то мелькает презрительное слово «попадья» и «поповна». Вот ей вспоминается всегда удивлявшая ее осведомленность матери в отношении религиозных вопросов... и внезапно сверкнула картина Пасхальной ночи.

Начиная этот разговор, Вера опасалась, что мать откроет ей тайну ее незаконного рождения, расскажет об обманувшем любовнике, о тяжелом положении обманутой женщины. Этого она ждала. Она знала, что ей горько будет узнать тайну собственного горя, ибо сознание, будто она незаконная, всегда горько отзывалось в ее душе... И к этой горечи она была готова. Но то, что сказала ей мать, сама фотография отца... все это лежало в плане невысказанного, в плане, который мог касаться кого угодно, но непременно лица постороннего. Никогда не ее самое. Вере и в голову не приходило, чтобы тайна ее рождения была связана с таким обстоятельством.

Варвара Петровна стала рассказывать дочери про отца. Она говорила о нем, вспоминая с нежностью о своей любви к нему, с глубоким почтением говорила о высоте его служения, с гордостью упоминала о его ревностном исполнении своего долга. Но вот воспоминания привели ее к последним дням, к расставанию, к последнему благословию, когда отец, уводимый из дома в тюрьму, осенил святым крестом младенца, лежавшего в колыбели. Она разрыдалась. Вера сидела низко опустив голову.

— Прими же сейчас это благословение! — горячо воскликнула Варвара Петровна и перекрестила дочь, держа в руках фотографию отца.

Они долго сидели молча.

— Ну, что ты скажешь, девочка?

Вера сидела, сказав виски пальцами. Точь в точь материнский жест.

— Пережить это надо, мама.

И когда она пыталась тут же дать себе отчет в своих мыслях и чувствах, в мыслях ей представился экран кино и кадр режиссерского трюка, когда видится отражение чего-то, и когда это отражение неожиданно переворачивается и превращается в реальные образы. Мысли гнались одна за другою. Звенел наглый мотивчик песни: «Долой, долой монахов, раввинов и попов!..» Глянул резко какой-то монах из исторического фильма времен Ивана Грозного. Пушкинская строфа об отцах пустынножителей и женах непорочных. Вот мать ей говорит про Дарвина. Вот снова она на вершине обрыва в Пасхальную ночь. Солнце играет и кричит ей с утреннего неба: «Христос Воскресе!» У нее на коленях фотография отца. Он в старинных ризах. На груди белый крест. Что это — золото или серебро?.. А его глаза проникают в душу все глубже, все глубже...

— Значит, мама... Бог все-таки есть?

— Конечно, Вера. Он есть.

Хотя Вера и была полна решимости соблюсти наказ матери и никому не говорить о тайне, сообщенной ей матерью, сил на это у нее хватило только до первого свидания с Васей. Тот не мог проникнуть вглубь Веринных переживаний. Воспринял прежде всего практическую сторону дела. Когда он оказался посвященным в тайну Веринного рождения, он долго крутил головой.

— Смотри же. Верок, чтобы никто, никто не узнал.

И в дальнейшем Вера сумела молчать.

Но мысль пеплялась за мысль. Сердце было взбудоражено и искало ответов, а вопросы один за другим лезли и лезли, и лезли... В следующее воскресенье, когда ему случилось остаться наедине с отцом и говорить с ним, Вася спросил:

— А что, папа, ты никогда не был бывшим царским генералом?

Вася задал свой вопрос, как бы в шутку, но при этом он насторожил ухо, будучи готов к неожиданностям.

— Что за странные вещи ты спрашиваешь?

— Так, — буркнул Вася. — Уж очень много странных вещей бывает на земле.

— Что поделает, Бобка. В странное время живем.

До сих пор они перебрасывались отрывочными фразами каждый со своего места. Вася сидел за шкафом-перегородкой, а Андрей Васильевич — за обеденным столом. Отвечая, он не отрывался от тетрадки, продолжая делать пометки красным карандашом. Но Вася почувствовал, что отец отвечал ему охотно. Он встал из-за стола и наполовину вышел из-за своей перегородки. Остановился, опершись плечом на шкаф.

— А все-таки, папа?.. Ты от меня не скрываешь. Я же Павлик Морозов.

— Только этого бы не доставало. Слава Богу. Уверен в тебе.

— Так скажи.

— Это про генерала?.. — Митин усмехнулся. — Нет, нет. Можешь быть спокоен. Человек я, конечно, не рабоче-крестьянский, но генералом, все-таки, не был.

Пауза. Вася стоял, не переменив позы. Андрей Васильевич вопросительно на него взглянул.

— Еще что-нибудь?

— Да, папа. Я одну штуку у тебя давно спросить хотел. А сейчас подвернулось такое, что лучше, думаю, все-таки спрошу.

— Про генералов?

— Да, отчасти и про генералов... Мы с Верой на днях говорили, и пришло так, что про... извини меня, про поколение отцов, так сказать... я-ну, про ваше поколение... И я вот вспомнил... это уж безотносительно к тому, что мы с Верой говорили. Вспомнил, как мне один человек как-то сказал...

— Что сказал? Чтонибудь умное?

— Говорит: «У Бога, мол, суд с людьми от того, что нет богопознания». Я не помню точно.

— Что за человек? Откуда у тебя такие слова?

— Помнишь сосед у нас был. Весной уехал. Как-то быстро уехал.

— Это бирюк тот?

— Ну, да. Он. Так горячо говорил. Запомнилось.

— А я-то при чем же?

— Вот, видишь, я так думаю: поколение генералов... ну, словом, ваше поколение, в революцию понесло тяжелую катастрофу. О том, что нашему поколению за недостаток богопознания может достаться, это понятно. Ну, а вот наше-то?

— Я, брат ты мой, в богословских тонкостях не очень осведомлен. Но должен сказать, что наше-то поколение тем и отличалось. Наше поколение к вопросам богопознания относилось более, чем равнодушно.

— Не интересовались?

— Попросту, без затей, царил наплевательское отношение. Бывало, батюшки к празднику придут, так наш брат студент из квартиры выходил и им же в лицо заявлял, что, дескать, господ дома нет. Вроде как бы лакей выходил.

— Стало быть, с вашим поколением тоже было за что судиться?.. Ну, хорошо. Понимаешь ли, папа. Ведь мы гораздо больше знаем, чем наши преподаватели думают. Про прошлое знаем очень много. Молчим, а знаем. Они думают, что, мол, молодежь, только новое знает, а на самом деле это не так. И получается, что мы кое-что знаем, а многого не знаем. Вот и приходится спрашивать. Нам историю революции читают, а мы знаем, что там либо не все так, либо все не так. Что бы ты сказал?

Отец долго молчал. Наконец, он поднял голову. Глаза его были закрыты. Видно было, что он напряженно искал ответа...

— А я тебе ответа не дам. Верю, что когда-то правда об этом выйдет наружу, но по совести говоря, чувствую, что знаю слишком мало. Подрастешь, мальчик, вместе будем думать, а пока что учись носить вопросы при себе. Учи-ка лучше свою гистологию, — закончил он с усмешкой.

(Продолжение следует)

ЛИДИЯ НОРД

Из блокнота советской журналистки

(Продолжение)

Его предостерегающе дергали за рукав. Люди, пряча сочувствующие улыбки, боязливо отходили от него. А он продолжал свой путь, посмеиваясь и разговаривая сам с собой. И я заметила, что в нескольких шагах, за ним двигалась как тень фигура человека в темном пальто и кепи. Мягко неслышно ступали высокие сапоги, а поднятый воротник закрывал военную гимнастерку с малиновыми петлицами.

Когда советские войска, после жестокой бомбардировки, ворвались в Выборг — город был пуст. В нем не осталось ни одного коренного финна. Население ушло вглубь страны, взяв с собою ценное и необходимое.

Вслед за передовыми частями, мчались к Выборгу караваны легковых и грузовых машин НКВД для «освобождения города от излишней роскоши», которую не следовало показывать рядовым советским бойцам и гражданам, чтобы не смущать их преданные советской власти души. За ними появились машины партийных и военных руководителей, вывозивших «остатки».

На улицах Москвы и Ленинграда замелькали люди, одетые в добротные финские материалы. Жены «ответственных работников» хвастались, показывая друг другу элегантные костюмы, платья, обувь, хорошее белье, чулки и прочие принадлежности дамского туалета. «Это — финское».

Когда простые смертные стали попадать в Выборг, он уже был опустошен на 90 %, но даже и остатки бывшего богатства и комфорта поражали неизбалованный советский народ. Каждый хотел привести домой что-нибудь «финское», ибо отечественные хорошие вещи, продававшиеся в магазинах «люкс» и в комиссионных магазинах, были недоступны по цене, а «ширпотреб» выпускал дрянью, в большинстве бракованные вещи. И люди стояли в очередях у магазинов, куда был свезен оставшийся финский скарб, покупали подержанные финские вещи, посуду и даже почтовую бумагу и конверты.

Те у кого не было денег, искали уцелевшие вещи, с риском для жизни, в разбитых бомбами домах, стараясь, чтобы их не заметила милиция.

Мне однажды пришлось наблюдать такой случай.

У рухнувшего дома грузовичек и два гражданина, как видно — рабочие. Нижний этаж уже давно опустошен, а в верхнем еще кое-что уцелело. Люди смотрят с вождением на заманчивые вещи и с опаской — на грозящие обвалом потолки и крышу.

Один пробует вскарабкаться по развалинам, но взглянув вверх, ползет обратно.

— Хоть видит око, да страх берет? — кричит другой и достает из кабинки литровку с водкой и стакан. Выпив одним духом, он наливает другой и подает приятелю. Закурив, они храбро шагают к дому и с обезьяньей ловкостью взбираются наверх.

Через несколько минут они уже спускаются обратно. У одного в руках детская коляска, у другого — никелированный чайник и электрический утюг. Но не успевают они ступить на землю, как попадают в объятия двух милиционеров.

— Расхитители советского имущества! Сволочи! Идем в милицию!

Никакие просьбы и уговоры не помогают. Один из милиционеров ведет «преступников, пойманных с поличным», другой остается у машины, записывает номер.

Пройдя несколько шагов, я оглянулась: блюститель порядка, вытирая одной рукой губы, другой торопливо засовывал в карман бутылку с недопитой водкой.

— Чем объяснить, что финны, бросив все имущество, ушли на ту сторону! — спросила я знакомого офицера, награжденного за финскую кампанию званием Героя Советского Союза. — Хорошей финской пропагандой?

— Пропагандой? — задумчиво переспросил он. — Да, пожалуй. У финнов замечательная пропаганда. Если у вас есть время, поедете ко мне, за Терриоки, я покажу вам ее.

Автомобиль мчит нас по следам недавней войны, мимо неглубоких, залитых водою траншей.

— Наши окопы, — указывает головой на них мой спутник. — В них наши бойцы просидели несколько недель перед войной, ожидая приказа о наступлении.

Его лицо сразу стареет от морщин между бровей и у рта. Он прибавляет скорость. Руки крепко впииваются в руль. Быстрой ездой он видно старается заглушить скрытую боль.

Воронки, воронки, воронки всех размеров. Деревья, вырванные с корнем. Остатки разбитых машин. Сгоревшие дома. Ряды железобетонных блиндажей.

— Финское, — бросает сквозь зубы офицер.

Через час он тормозит машину у небольшого домика финского селения. Открывает ключом дверь. Кухня. Выжращенные масляной краской стены блестят. Кафельные разноцвет-

ные плитки составляют приятный рисунок. В шкафу — фарфоровая и фарфоровая посуда, на полках никелированные кастрюли, чайники — все блесит.

Рядом с плитой — электрическая плитка. Стол покрыт полотняной, туго накрахмаленной скатертью, поверх нее разостлана русская газета.

— Чтобы не пачкать скатерть, — заметив мой взгляд, смущенно улыбается офицер.

В доме четыре комнаты, из них три — спальни. Первая — девичья. Когда-то такие спальни, с цветистым кретоном штор и обивки, были и в России, но теперь описания их попадают лишь в старых романах. На туалетном столике несколько фотографий школьницы в овальных рамках. Бывшей ли обитательницы комнаты? Ее ли подруги?

Вторая — спальня семейная. Две широких кровати. На них мягкий пух подушек и перин. Чистое тонкое белье. У кровати коврики, в которых приятно тонет нога. В зеркальном шкафу еще висит одежда.

Третья, где раньше, повидимому, спал сын хозяев, сейчас занята моим знакомым.

Переходим в четвертую комнату. Глубокий диван, такие же кресла. Книжный шкаф. На круглом столе — ваза с засохшим букетом. На другом — книга, рядом — футляр от очков и женский платочек из газа.

Офицер протягивает мне альбом. На первом листе годовалый бутуз тянет мне пухлые рученки. Растрепанный светлый хохолок делает его мордочку задорной.

Большинство снимков любительские. Молодая девушка, чей школьный портрет я видела в спальне, в спортивном костюме у мотоциклета. Дальше, она же доит корову. Она же в белом платье причастницы.

Хозяин с трубкою в зубах подрезывает деревья. Хозяйка с новорожденным теленком на руках. Вся семья за столом. Сын и мать в двухколесном экипаже, ее губы морщит счастливая улыбка, над лбом юноши вихрится светлый хохолок...

Я закрываю альбом, страницы которого мне показали жизнь семьи. Жизнь полную труда и счастья.

Мы молчим. Тяжело говорить в этом домике. На ковре лежит трубка хозяина, — она сломана. Сломана, как вся жизнь.

— Вот вам финская пропаганда, — нарушает молчание хриплый, какой-то сдавленный голос офицера.

— А вот и наша...

Он включает радиоприемник.

«...Благодарное финское население, освобожденной территории, шлет горячий привет героической Красной армии. Вливаясь в нашу семью, многомиллионную семью братских народов, освобожденная от рабских цепей капиталистического ига, эта часть Финляндии становится теперь, такой же свободной и счастливой, как и мы. Благодаря мудрому руководству...»

Радио выключено. Наступившую тишину разрезает длинное циничное русское ругательство.

— Простите! — тем же сдавленным голосом говорит офицер. — Сорвалось нечаянно... Трудно выдержать. Как больно, как тяжело чувствовать себя бессловесной пешкой, которую двигает железная рука для своих жестоких комбинаций. Комбинаций, которые противны нам по духу, которые унижают весь наш народ...

— И это говорите вы — Герой Советского Союза? — невольно возразила я.

— Да я! — Он повернул ко мне бледное, старообразное лицо. — Да я, которого наградили, потому что нужно же кого-нибудь награждать, создавать героев, чтобы шумихой прикрыть наш позор, наши потери. Сегодня устанавливают мой бюст в Доме Советов в Москве, а завтра, если узнают, что эти побрякушки (он указал на ордена) не затмили моей совести, то меня, там же поставят, как и других, к позорному столбу. Финны знали, за что они так мужественно дрались. — за свою жизнь, за славу Финляндии, за свою самостоятельность. А мы? За те «шесть даров Сталина», которые он нам дал? За

Лунное освещение,
Солнечное отопление,
Воздушное одеяние,
Заочное питание,
Всеобщее ликование,
И гробовое молчание.

Мы едем обратно. Лунный свет заливал угрюмую финскую землю. Блестят лужи. Вода ли это, или еще не впитавшаяся кровь? В лесных просеках еще лежат штабеля сложенных трупов непогребенных бойцов.

Но это там, в глубине лесов, далеко от дорог. О них знают лишь те, кому дано знать. Но не близкие и не народ. Народ должен ликовать. Ликуйте жены, матери и осиротевшие дети! Ведь ваши мужья, сыновья и отцы погибли за славу «мудрейшего из мудрых»! Пусть их десятки тысяч. Пусть они лежат непогребенные. Это неважно. Гробовое молчание охраняет их...

(Продолжение следует)

ПРОДОЛЖАЕТСЯ

прием подписки
на
еженедельную
газету

«НАША СТРАНА»

орган

монархической
мысли

под редакцией
Вс. Дубровского

В газете
сотрудничают:

А. Александров, Аслан-бек, А. Беденков, М. Бойков, Н. Былов, Инж. Вальдемарс, И. Владимиров, С. Л. Войцеховский, Г. Н. Гулак-Артемовская, Н. Жигулев, А. П. Заустинский, Проф. М. В. Зызыкин, П. П. Крачковский, Н. Кремнев, Н. Кусаков, А. Ламберт, Б. Ликов, И. Марьянов, Г. Месняев, К. Н. Николаев, Лидия Норд, Феоктист Орлов, Ник. Павшин, Н. Потоцкий, Алексей Ростов, Василий Ржевский, Лидия Рындина, Полк. С., Е. Саянова, Г. Сосунов, М. М. Славосовский, К. Стоянов, В. К. Федонюк, Евгений Фест, Проф. Б. Н. Ширяев, Р. Чонгар, Н. Удовенко и другие.

Мы очень просим г. г. подписчиков не только не запаздывать со взносом их подписной платы, но и ВСЕГДА вносить ее за несколько номеров ВПЕРЕД! Это значительно облегчит те затруднения материального характера, с которыми связан выпуск каждого номера!

«НАША СТРАНА»

существует исключительно благодаря аккуратности в расчетах с редакцией ее представителей и подписчиков.

«НАША СТРАНА»

— газета, которую НАДО ЧИТАТЬ номер за номером! Во избежание перебоев в получении газеты у перепродавцов — подписывайтесь на нее у наших представителей или непосредственно в редакции.

Михаил Бойнов

„Вернись, я все прощу!“

(Продолжение)

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ ПРОПАГАНДЫ

В конце марта из Буэнос-Айреса выехала на родину большая группа русских, украинцев и белоруссов, переселившихся в Южную Америку задолго до революции. В числе их были лица, отъезд которых у русских белых эмигрантов вызвал удивление и недоумение: А. Конюх, председатель советского клуба имени Маяковского и казначей этого клуба В. Притула, председатель клуба имени Белинского В. Жданеня и казначей этого же клуба В. Цябут, С. Яремчук, председатель клуба имени Николая Островского, Д. Окулик, секретарь клуба имени Максима Горького, Ю. Окулик, казначей общества взаимопомощи «Белорусский очаг», объединяющего советских граждан, и члены правления этого же общества А. Венгер и М. Копачинский, руководители молодежи среди советских граждан: Н. Тихон, О. Федорова, А. Гербик и другие. Более года тому назад, отсюда же уехали в СССР редактор русской просоветской газеты («Наша газета») Павел Бойко и редактор такой же украинской газеты «Знання» (фамилии его не помню).

— Зачем из Аргентины в СССР отправляют таких коммунистических китов? Ведь они для советской власти нужнее здесь, — недоумевали русские белые эмигранты.

Только теперь выясняется, что «киты» нужнее не здесь, а там. Советская пропаганда мобилизовала их для «проведения массово-разъяснительной работы среди трудящихся СССР». Бывшие советские активисты в Аргентине сейчас на фабриках, в колхозах и школах делают доклады и проводят беседы о жизни южноамериканских рабочих и крестьян. Из Советского Союза получено сообщение, что Павел Бойко прочел там цикл лекций для московских журналистов. Содержание этих лекций, докладов и бесед мы можем представить себе ясно и точно. И расчет советской пропаганды для нас понятен: люди не верят партийным газетам, журналам и радио, но своим соотечественникам, приехавшим из Америки, может быть, и поверят.

Кстати, каждый советский активист, уехавший из Аргентины, оставил на своем месте, подготовленного им и его хозяевами, «стойкого, надежного и способного товарища». Мобилизация коммунистических активистов для пропаганды в СССР производится не только в Аргентине, но и в других странах. Об этом мне, пишут, например, из Канады и Венесуэлы.

Незавидно будущее этих «возвращенцев». Ведь они стали «советскими маврами», которые сами не уходят. Их «уходят», когда они сделают свое кайново дело. Так было, есть и будет. Советская власть, никому из своих граждан, пребывания за границей простить не может и не хочет.

ТУАПСИНЦЫ

Читатель в эмиграции, в отличие от своего подсоветского собрата, весьма любознательный, требовательный, придирчивый и критически мыслящий. Его удовлетворяет далеко не все, что печатается в газетах и он часто ставит в тупик нашего брата-литератора своими запросами и вопросами.

Читатели «Нашей Страны», с которыми я разговаривал о туапсин-

цах, дают их репатриации два различных объяснения. Оба они более вероятны, чем все то, что до настоящего времени было опубликовано в эмигрантской печати об этом скандальном случае.

Первое объяснение таково:

Советские моряки, — как и их многочисленные предшественники во время Второй Мировой войны и после нее, — предполагали, что, сдавшись в плен, они сразу же или в недалеком будущем смогут бороться за освобождение своей родины. Их пребывание на Формозе эти предположения подтвердило, но, попав в Соединенные Штаты, они увидели там весьма непривлекательную картину. Вместо подготовки к освобождению России — стремление к сосуществованию с СССР, вместо борьбы против коммунизма, — бейсбол, Холливуд, уродливые танцы и тому подобное. Моряков окружили сплошной стеной всякие «...сты, изо всех сил «отпихивая локтями» инакомыслящих. И бывшие советские граждане, разочаровавшись и придя в отчаяние (как это не раз бывало до них с другими), отправились умирать.

Второе объяснение менее «героическое»:

История с танкером «Туапсе» темная и может быть советской провокацией. Советские танкеры — суда тиходные и крупные. Попав в воды Формозы, такое судно не могло проскочить незамеченным военно-морскими силами Чан-Кай-ши, тем более, что в начале рейса всему миру стало известно, куда оно направляется. Кто распространил эти сведения? Почему «Туапсе» был направлен именно в воды Формозы? Ведь в коммунистическом Китае достаточно портов и вне этих вод. Подобной провокацией советская власть «убивает двух зайцев»: восстанавливает американцев и войска Чан-Кай-ши против беглецов из СССР, а возвращенных ею моряков использует для пропаганды, как внутри страны, так и за ее границами. Об этой провокации знал, конечно, не весь экипаж танкера, а лишь несколько лиц из тех, которые ныне превратились в «возвращенцев»...

ТРАГИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ

Репатриация бывших членов экипажа танкера «Туапсе» напомнила мне случай, происшедший несколько лет тому назад в одном из городов Южной Америки. Оба эти события имеют одно к другому отношение не прямое, а лишь косвенное.

Жили два приятеля, вырвавшиеся из Советского Союза спустя несколько лет после окончания Второй Мировой войны. Один из них (назовем его Костей) был старше другого (скажем, Алеши), умнее и крепче духом.

За все время своего пребывания за границей Алеша ничего не писал матери, но вдруг получил письмо от нее. Кто-то узнал его южноамериканский адрес и сообщил ей. Старушка-мать слезно умоляла сына вернуться на родину. Он показал письмо приятелю. Тот прочел его и спросил:

— Что думаешь делать?

Расстроенный Алеша пожал плечами.

— Не знаю.. Вернуться?

— И вместе с матерью сесть в концлагерь? — сказал Костя. — Пока ты здесь, ее туда, может быть, и

не посадят. Будут только заставлять тебе письма писать.

— Кто?

— Не понимаешь разве? Те, что голубые фуражки носят. Они и это письмо твоей матери продиктовали.

— Откуда ты знаешь?

— По содержанию видно.

Алеша растерянно вертел в руках письмо.

— Что же делать?

— Подумаем. Время есть..

Они думали долго. Прошел вечер, наступила ночь. Наконец, Костя сказал:

— Вот что, Алексей. Нам надо спешно срываться отсюда.

— Уехать из этого города?

— Из этой страны. Это трудно, но возможно. Мы оба молоды и здоровы. Завербуемся куда-нибудь на работу, но так, чтобы основательно замести следы. Фамилии переменим. А потом я напишу ей письмо. Не от своего имени, а от вымышленного знакомого. Сообщу ей, что ты, будто бы, умер. После этого ее, старуху, может быть, и не тронут.

— Что ты, Костя?! С ума сошел?!

— воскликнул Алеша. — Да она по мне мертвом все глаза выплачет.

— А ты хочешь, чтобы она выплакала глаза в концлагере по тебе живом? — спросил приятель..

Спустя несколько месяцев матери Алеши было отправлено письмо. В нем сообщалось, что ее сын погиб во время несчастного случая на лесоразработках. И вот, где-то в далеком от нас русском городе или в русской деревне, мать плачет о мертвом сыне. О мертвом, который жив. И который не захотел посадить свою мать в советский концлагерь.

Мое перо слишком слабо для описания подобной трагедии. Здесь нужен психологический роман; здесь нужен Достоевский. А я лишь констатирую факт.

Кстати, этот трагический случай не единичен. Их было несколько..

ИНТЕРВЬЮ ГЕН. МИХАЙЛОВА

Председатель комитета «За возвращение на родину» генерал Михайлов, в апреле этого года, дал интервью редактору мюнхенской газеты «Абендспайтунг» Зигфриду Нойоксу. Оно интересно тем, что в нем нет буквально ни одного слова правды. Привожу его полностью, учитывая, что вранье советской пропаганды антикоммунистам изучать не вредно. Наиболее живые места в интервью подчеркнуты мною; комментарии тоже мои.

Вопрос: Является ли комитет государственным учреждением?

Ответ: Нет. Комитет «За возвращение на родину» является добровольной общественной организацией, содействующей возвращению советских граждан в СССР.

(Здесь, в ответе ген. Михайлова на вопрос г-на Нойокса, двойное вранье: о том, что, будто бы, в СССР существуют добровольные общественные организации, к которым власть никакого отношения не имеет).

Вопрос: Кто предоставляет в распоряжение комитета необходимые денежные средства?

Ответ: Денежные средства комитета складываются из пожертвований различных общественных организаций Советского Союза, а также советских граждан, возвратившихся на родину.

(Это заявлено с очень серьезным видом, рассчитанным на простаков, не осведомленных о тех миллионах, которые советская власть тратит на свою пропаганду).

Вопрос: Когда и где был основан комитет?

Ответ: Комитет был основан в апреле 1955 года в Берлине, по инициативе группы бывших перемещенных лиц из числа советских граждан и эмигрантов, с разрешения правительства Германской демократической республики.

(А правительство советское, будто бы, никак и ничем в этой пропагандной акции не участвовало).

Вопрос: Давали ли Вы уже западно-германским журналистам интервью о деятельности комитета? Если да, то когда?

Ответ: В феврале 1956 года мною были переданы для опубликования ответы на вопросы корреспондента газеты «Зюддейче Пейтунг» г-жи Мюллер, корреспондента западно-берлинского журнала «Дер Шпигель» доктора К. Г. Гроссе и корреспондента западно-германского журнала «Зоннтагсблатт» г-на Дитриха.

(Здесь ген. Михайлов «скромно умолчал» о том, сколько он ежедневно дает и передает коммунистическим журналистам интервью, инструкций и приказаний).

Вопрос: Известны ли комитету имена: Петр Корпацкий и Измаил Резая?

Ответ: Названные лица комитету не известны.

(Какая поразительная неосведомленность! Газеты по всему миру разнесли имена и фамилии этих бандитов, взламывавших в Германии двери и ящики в эмигрантских организациях, похищавших отсюда документы и передававших их советским агентам. А генерал Михайлов ничего об этом не знает).

Вопрос: Сколько граждан СССР репатрировано за время существования комитета?

Ответ: Комитет не ведет учета советских граждан, возвращающихся в СССР, и поэтому не располагает данными обо всех советских гражданах, вернувшихся на родину. Что же касается советских граждан, вернувшихся в СССР через Берлин, то количество их превышает 500 человек.

(Неужели не ведет учета? А если не ведет, то, значит, не выполняет «указаний» вышестоящих организаций).

Вопрос: Имеют ли репатрианты возможность вернуться на Запад в случае, если им не понравится в Советском Союзе?

Ответ: Каждый возвратившийся на родину, как и все граждане СССР, имеет право ходатайствовать перед правительством о разрешении выезда из СССР (а ну, пусть попробует! М. Б.) и получить такое разрешение (путевку в концлагерь. М. Б.) в соответствии с законами Советского Союза. Однако, комитету неизвестно ни одного случая, когда бы репатриант заявил о своем желании вернуться на Запад (еще бы! кто же на это рискнет? М. Б.). Многочисленные письма от возвратившихся, получаемые комитетом, все, без исключения, свидетельствуют о том, что репатрианты счастливы, что они вернулись на родину, соединились со своими близкими и имеют возможность свободно жить и трудиться на благо своего народа. О годах, проведенных на чужбине, все они вспоминают, как о тяжелом кошмаре.

Редактор газеты «Абендспайтунг» г-н Нойокс всему этому, может быть, и поверит. Что же касается нас, которых Михайлов и Компания изо всех сил стараются превратить в возвращенцев, то, как говорят советские милиционеры: «Давайте не будем!»

(Продолжение следует)

Михаил Бойнов

ANATOMIA DE LA SUBVERSION

Dallas, Texas, Abril de 1956

Discurso pronunciado por el Fiscal General de los Estados Unidos, Sr. Herbert Broynell, en la IX Conferencia de la Federación Interamericana de Abogados.

(Continuación)

CONSPIRADORES ORGANIZADOS

...¿Cómo está organizado el enemigo, particularmente en lo que concierne a sus actividades en este hemisferio? A la cabeza se halla el partido comunista de la Unión Soviética, el cual dirige todos los elementos de la conspiración mundial, incluyendo los partidos comunistas, los "frentes" nacionales e internacionales y las organizaciones clandestinas de inteligencia. El apoyo que el partido comunista soviético presta a estos elementos consiste en la orientación para las cuestiones de política, adiestramiento, ayuda monetaria, y ayuda para viajes ilegales, así como asilo seguro detrás del Telón de Hierro para los comunistas que han violado las leyes de sus propios países. Por su parte, los comunistas del mundo libre deben no solamente seguir las instrucciones que emanan de la Unión Soviética, sino también facilitar a los comunistas soviéticos informes de inteligencia, pasaportes y otros documentos de identificación para utilizarlos en operaciones ilícitas, y asegurar sitios de reunión para los agentes de la inteligencia soviética, así como otros menesteres que puedan ser útiles para la conspiración comunista. Esta constante "ayuda mutua" sirve para fortalecer y extender aún más los tentáculos del movimiento comunista mundial, que alcanzan ya a todos nuestros países.

Se hace todo el esfuerzo posible para dar la impresión de que los partidos comunistas locales funcionan independientemente, sin estar dominados por Moscú, y que, a lo sumo, esos partidos tornan la mirada hacia el partido comunista de la Unión Soviética sólo para encontrar "ejemplos". Mucho tiempo y energía se dedica a ocultar el control central que ejerce la Unión Soviética y los lazos que unen al partido con las organizaciones clandestinas soviéticas.

(Continuará)

РОЗЫСКИ

Объявления о розысках родных и знакомых принимаются непосредственно Редакцией «Нашей Страны» или ее представителями на местах.

Братья Александр и Кузьма Сергеевичи из Уфимской губернии, долго жившие в Шанхае — Китае, разыскивают мать Александру Ивановну и сестер Евгению, Татьяну с сыном Олегом, Ксению, Елену с дочерью Марией и Наталией, а также братьев Алексея с дочерью Светланой, и Василия. Знающих что либо о них просят сообщить Наталии Алексеевне Щеголихиной по адресу: Mrs Natalia A. Schegolihin, 603—3rd Avenue, San Francisco 18, California, USA.

Иван Курилович (из Хмельницкой, Мижевичской волости), проживающий в Канаде (245, Montrose Ave., Toronto, Ontario) просит сообщить ему адрес его двоюродного брата Ивана Шевчика, проживающего в Буэнос-Айресе, в Аргентине.

Политическая Хроника

(Продолжение с 3-й стр.)

сольства СССР в Аргентине, капитан Морозов, рассматривается правительством Аргентины как „persona no grata“, вследствие чего ему предлагается покинуть пределы страны в течение 24 часов».

В этом сообщении ничего не говорится о причинах, побудивших аргентинское правительство принять столь категорические меры и к моменту сдачи в печать настоящего номера «Нашей Страны» так и не было объявлено, каковы эти причины. Однако, из источников неофициальных представителям аргентинской печати удалось узнать, что следствием, ведущимся аргентинским правительством в связи с заговором и восстанием 9-го июня сего года, имевшим целью ниспровержение существующего строя, установлено, что кап. Морозов находился в непосредственной связи с коммунистами, признавшими свое участие в заговоре и восстании. Это и послужило, по всей вероятности, причиной для высылки его из страны.

Аргентинская печать сообщает, что капитан Морозов был назначен морским атташе при посольстве СССР в Аргентине 30 июля 1954 г. Некоторые газеты добавляют к этому, что до своего назначения в Буэнос-Айрес Морозов был атташе при посольстве СССР в Богота (Колумбия), правительство которой признало его в свое время также „persona no grata“ и выслало из страны, в связи с его вмешательством в революционные события в этой стране, имевшие следствием смерть лидера либеральной рабочей партии Гаэтано. Эти последние сведения были опровергнуты советским атташе по печати, заявившим от имени посла СССР, что «Морозов никогда в Колумбии не был».

1-го июля вечером стало известно, что срок пребывания Морозова в стране продлен на 24 часа в силу того, что в связи с нарушенным плохой погодой воздушным сообщением он фактически не имел возможности вылететь из Буэнос-Айреса на аэроплане, летящем в Чили, откуда должен продолжить свое путешествие в Европу.

Сообщение о высылке капитана Морозова, полученное в редакциях газет, вызвало большой интерес и стремление журналистов выяснить причину этого мероприятия правительства, о которой в официальном сообщении ничего не говорилось.

В министерстве иностранных дел им не удалось получить никаких сведений и некоторыми журналистами было решено попытаться вступить в связь с самим капитаном Морозовым, проживающим в центре города. На телефонный звонок ответила жена капитана Морозова и между нею и сотрудником газеты «Кларин» завязался следующий разговор:

— Находится ли капитан Морозов в Буэнос-Айресе?

— Да.

— Ваш муж уезжает в Россию?

— Почему вы думаете, что он уезжает туда? — спросила жена капитана Морозова.

— Разве вы не знаете, что ваш муж объявлен „persona no grata“ для аргентинского правительства?

— Почему? — удивленно спросила она. — Почему? Я ничего не понимаю.

И с этого момента все попытки получить ответ на какой бы то ни

было вопрос упирались в повторяемые женою кап. Морозова слова:

— Не знаю... Я ничего не знаю и ничего не понимаю...

Потерпев неудачу в переговорах с «пострадавшими», сотрудник «Кларина» решил попытаться получить аудиенцию у посла Советского Союза и отправился в посольство. После тщательной проверки его документов, установившей его личность, аргентинский журналист получил возможность проникнуть в переднюю посольства, где его с любопытством встретил иронической улыбкой сидевший за небольшим столиком чиновник посольства.

— Посол здесь?

— Господин посол находится здесь! — резко ответил чиновник.

— Я хотел бы говорить с ним.

— Господин посол не говорит по-испански.
— скажет журналист.

— В таком случае мы можем го-

— Господин посол не говорит по-французски...

— Тогда — по-английски.

— Господин посол не говорит по-английски...

— Мы можем, в таком случае, говорить через переводчика. Я предполагаю, что господин посол не говорит по-русски в тех случаях, когда ему приходится обращаться по деловым вопросам к аргентинским властям.

— В данный момент здесь говорится только по-русски!

— Как бы то ни было, но я все же хотел бы говорить с послом, — настаивал журналист.

Чиновник посольства посоветовался с другим, подошедшим в этот момент, чиновником и заявил категорически:

— Господина посла нет! Сегодня — суббота, день неприсутственный...

Член Правления и казначей РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА (для изучения и популяризации идеи Народной Монархии) в Буэнос-Айресе — Федор Федорович Прохоров принимает по всем делам, касающимся Общества, по вторникам и четвергам от 18-21 час. и по воскресеньям от 16-19 часов в «Дома Русских Белых»: Карлос Кальво 2851.

НАША СТРАНА

ОРГАН МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

NUESTRO PAIS

Organo Monárquico Ruso

Casilla de Correo 2847

Buenos Aires

Argentina

ПРЕДСТАВИТЕЛИ

AMERICA DEL SUR:

Brasil: Leo Rubanov, Caixa postal 8405 Correo Central, Sao Paulo.

Chile: Sr. Nicolás Rogalev, Allende Padmin 2128 (por Beaucheff altura 1706). Santiago de Chile.

Venezuela: Sr. K. Kellner, Tunnel Santa Ines, Villa Niña, Ap. 2, Caracas.

Paraguay: Sr. A. F. Lapchinsky, calle 14 de Mayo No 80, piso 1º, Oficina del Ing. Cámeron, Asunción. Tel. 89-76.

U. S. A.

Mrs. M. S. Kingstone, 11 Wolfe ave. San Rafael, Calif. USA.

Mr. A. Klushkin, 196 — 6-th Ave, Apt. B. San Francisco 18, Calif.

Mr. M. Maltzeff, 1332 Lucille Ave, Los Angeles 26, Calif.

The Russian National Book Store, 327 E 14-th St. New York 3. N. Y.

Allies Book Shop, 3456, Broadway, New York 31, N. Y.

CANADA

Mr. B. A. Romanovsky, 12036-90 Str., Edmonton, Alta.

Mr. A. Kostyria, 6 Argyle St., Toronto 2, Ont.

Mr. André Alpatoff, 12337 Rue Dioné Cartierville (Montreal) P. Q.

EUROPE

Belgique: Librairie et Bibliotheque Slave — 13, Rue de Roumanie, Bruxelles

France: Mr. A. Krivocheieff, "Kama" 27, rue de Villiers, Neuilly s/Seine, Seine.

Germany: Frau J. Seuberlich, Wolfsburg Postfach 63.

Italia: Sr. Prof. B. Sciriae, Cas. postale 102, San Remo.

Grèce: Mr. Filatoff, Rue Dedalou 26, Athènes.

AUSTRALIA

Mr. Parker, 28 Queen Bess Str. Buranda. Brisbane. Q-d.

Mr. P. Ostashkevich, 7 Whinham Str., Fitzroy, Adelaide.

Polyglot Book Depot, Post Office Carrum, Melbourne, Vic.

Mr. S. Domansky, 24, Proctor Ave, Kingsgrove, Sydney. N.S.W.

ASIE

Iran: Leon Popoff, 273, Ave. Ferdusi, Teheran.

РУССКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО В БУЭНОС-АЙРЕСЕ устраивает 22-го июля с. г. в зале Дома Русских Белых (ул. Карлос Кальво 2851) доклад Б. Н. РЯСНЯНСКОГО на тему

«АНДРЕЙ БОГОЛЮБСКИЙ»

Начало доклада в 17 час.

Вход свободный

ТЕАТРАЛЬНАЯ ГРУППА «КЕЛЛЕРБЕРГ»

В воскресенье, 8-го июля, в зале по ул. Монтевидео 850 будет представлена

Василиса Мелентьева

историческая драма в 5-ти действиях А. Н. Островского

В спектакле участвуют: В. И. Асланова, Л. К. Крутова, Г. В. Крутов, И. Н. Ланская, А. П. Воронин, Л. Д. Дара, И. И. Горин, А. Ф. Лыгин, А. Н. Масальский, М. М. Седляревич, А. П. Троекуров.

Декорации худ. К. Н. Гедда. Костюмы худ. Л. С. Горбачевская. Режиссер А. М. Лучинский. Зав. осв. К. Б. Гловацкий

Предварительная продажа билетов: в буфете Дома Русских Белых; по воскресеньям в книжном киоске при церкви на Пуэйрредоне и в библиотеке г-на Тамарцева (в доме «Колонизатора»).

Начало в 17 часов